

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

БЕРЛИНСКАЯ РУЛЕТКА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Берлинская рулетка / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Солдаты СМЕРШ. Романы о неизвестных боях).

ISBN 978-5-04-190104-2

Май 1945 года. Только что закончилась Великая Отечественная война. Но бывшие союзники СССР, англичане, не желают мириться с ее результатами. Они разрабатывают план вытеснения частей Красной Армии из Берлина, чтобы ослабить советское влияние на оккупированной территории. В нашем штабе действует «крот», который снабжает британцев секретными данными. Выявить и обезвредить предателя поручено майору СМЕРШ Владиславу Градову. Чтобы выполнить поставленную задачу ему предстоит вжиться в непривычную для себя роль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление.

ISBN 978-5-04-190104-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Квартира, расположенная на Беренштрассе, в трех минутах ходьбы от Бранденбургских ворот, двое суток находилась под наблюдением. Оперативники сменялись, в заброшенном саду дежурило отделение красноармейцев. Бойцы шутили, мол, уж лучше сразу бы разбили палатку со всеми удобствами. Кто же знал, что эта волынка затянется? Местные жители на людей в советской форме смотрели со страхом, спешили быстрее перебежать опасный участок.

Группой из трех человек — остатков оперативного отдела контрразведки Смерш Семьдесят первого стрелкового корпуса — командовал майор Владислав Градов, молодой темноволосый мужчина с обманчиво добродушным лицом. Спали они по очереди в квартире напротив. Жильцы съехали, а замок не представлял собой чего-то сверхъестественного. Подъезд находился под наблюдением. Один человек присматривал за парадным входом, другой — за черным. Иногда они курсировали по гулкой лестнице, прислушиваясь к странным звукам, издаваемым старым домом.

Здание уцелело, чего не скажешь о большинстве строений на Беренштрассе. Улица тянулась параллельно Унтер-ден-Линден по историческому району Берлина, здесь еще недавно шли ожесточенные бои. Сражения отгремели три недели назад, гарнизон капитулировал. Потрясенный, разрушенный Берлин приходил в себя.

Но начиналась какая-то потаенная возня, активизировались скрытые от глаз структуры. Советская разведка, имеющая информаторов у британских коллег, поделилась сведениями. В штабе Семьдесят первого стрелкового корпуса действовал «крот». Кто-то сливал британцам информацию военного характера. В принципе не катастрофа — все-таки союзники, но факт требовал немедленного реагирования. Возня в кулуарах настораживала. Все понимали, что союзничество — явление временное, общего врага больше нет, а жгучие противоречия между миром капитала и советским строем никуда не делись.

Квартира на Беренштрассе являлась конспиративной. На этом настаивала разведка. Источник в британских структурах не был всеведущим, но здесь не сомневался. Сведения были переданы в Смерш. Человек, работавший на англичан, про эту квартиру знал и в любое время мог явиться на встречу с курьером. Оперативники терпели, в итоге дождались своего. Прибыли сразу два курьера!

Градов находился во дворе. Скамейку маскировал кустарник, склонившийся над ней, как плакучая ива. Посторонние в этот район заходили редко, мирные жители сидели по квартирам. Случались патрули, и они бесконечно бежали. Приходилось им все объяснять и демонстрировать служебные корочки.

По дорожке мимо неухоженной акации проследовали двое — мужчины в штатском. Влад затаил дыхание. Тоже хорош! Внимание рассеялось, мысли витали непонятно где.

Но его не заметили. Мужчины шли молча, с какой-то нарочитой неспешностью, угрюмо разглядывали здание. Они прошагали в нескольких метрах от контрразведчика, напряженные, какие-то напружиненные, добрались до второго подъезда, стали осматриваться.

Ошибки исправлялись по ходу. Градов тихо встал со скамьи, обогнул ее, присел за витой спинкой. Эти люди не были профессионалами. Им ничто не мешало засечь постороннего майора-артиллериста. Своей униформы у контрразведки не было, носили то же, что и все. Чужака эти люди не заметили, постояли, обменялись парой фраз.

«Не немые», — почему-то подумал Градов.

Один вошел внутрь, другой придержал дверь, исподлобья посмотрел по сторонам. Что-то ему не нравилось, но источник беспокойства не выявлялся.

Мужчине было за сорок, он обладал колючим взглядом, гладко выбритым лицом. Национальность явственно не читалась. С равным успехом он мог быть англосаксом, немцем, русским.

Субъект скрылся в подъезде, заспешил за своим поделеньником.

Размышления Владислава не затянулись. Теоретически это могли быть посторонние. Ведь в подъезде пятнадцать квартир. Но вели они себя подозрительно, да и жильцов здесь осталось с гулькин нос. Две семьи на втором этаже, одинокая женщина на третьем, по соседству с двадцать четвертой квартирой. Особа экстравагантная, немного не в себе. Олешка Романовский окрестил ее соседкой под шубой за привычку выходить из дома в утепленной куртке с мехом горносталя.

На четвертом этаже тоже кто-то обитал. Голос был старческий, жилец ходил по квартире, подволакивая ногу, и в город, наводненный русскими варварами, предпочитал не соваться.

Ноги вынесли Влада на дорожку перед домом. Он задрал голову. В окне третьего этажа образовалась растерянная физиономия лейтенанта Олега Романовского. Парень прилип к стеклу, заметил майора, стал яростно жестикулировать.

«Значит, входят уже в квартиру, — догадался Градов. — Со своим ключом прибыли».

Квартира была просторной, с запутанными переходами и изогнутой гостиной. Проживал в ней явно не последний рабочий.

Градов махнул рукой. Мол, ко мне! Олежка кивнул, открыл фрамугу, вскарабкался на подоконник. Рисковать не стоило. Пришли двое, а рассчитывали они на одного, хотя, если честно, вообще на удачу не надеялись. С одним Олежка мог справиться, с двумя — вряд ли. Да и некуда спешить, нужно ждать того, кто придет на встречу. Раз явились, сразу назад не собираются.

Физическая подготовка у товарища не хромала. Он ловко изогнулся, перебрался на пожарную лестницу, одновременно прикрывая за собой фрамугу, заскользил по ступеням. Край лестницы висел высоко над землей, но Олежка приземлился красиво, побежал в кустарник. Лейтенант был хоть и молод, но толков. Рослый, сплетенный из жил и мышц, на фронте с сорок третьего года, он дважды получал ранения, но каждый раз возвращался в строй.

— Не наследил на хате? — спросил Градов и перетащил подчиненного в кусты.

Приказ был строг. В квартире соблюдать идеальный порядок, туалетом не пользоваться. Курить возбранялось под страхом немедленных оргвыводов.

— Да все в порядке, товарищ майор. Не поймет он, что в квартире кто-то был. Дверь ключом открывать стали, я сразу на кухню. Хорошо, что вы внизу стояли. А вы уверены, что надо было бежать? Я бы с ним легко справился, подкараулил бы за дверью и огрел по башке.

— Отставить, боец! — Градов поморщился. — Двое их, и мужики не слабые.

Схожим образом в конце апреля они лишились старшего лейтенанта Мищенко. Потеря была глупая, ничем не оправданная. Диверсанты пробрались в тыл артполка, обстреливающего восточные предместья Берлина. Оперативники шли наверняка, с отделением солдат. Данные о подходе десантников они получили от перебежчика.

Мищенко ждал их на складе, в промышленной зоне. Ничто не мешало ему отступить, присоединиться к товарищам. Что творилось у него в голове? Он открыл огонь из «ППШ», а когда бойцы пробились на склад и окружили врага, уже умирал с пульей в боку, — изнемогал от боли, пребывал в ясном сознании, понимал, какую глупость совершил.

— Двое? — Олежка озадаченно покорябал щеку. — А почему двое, товарищ майор?

— По кочану, — рассердился Градов. — Сбежал, вот и ладно, не задавай глупых вопросов.

Оперативники затаились за акацией. В окне третьего этажа дрогнула занавеска, обрисовался силуэт. Незнакомец обозрел двор, отступил от окна. Занавеска вернулась на место.

— Попала мышка в мышеловку, — прошептал Романовский. — Сами пришли, никто не просил.

— Пошли, — бросил Влад.

Оперативники перебежали дорожку, прижались к стене. В этой точке дорогие гости заме-

тить их никак не могли. Аллея перед домом была пуста. Но надолго ли?

Скрипнула подъездная дверь. Спина майора покрылась инеем, рука машинально поползла к кобуре. Образовалась невысокая фигура с погонами лейтенанта. Пилотка заломлена на затылок, лицо сосредоточенно.

Градов расслабился. Напугал, черт! Егор Грамарь контролировал черный ход, но на месте парню не сиделось.

— Это я, товарищ майор, — хрипло проговорил оперативник, внешне невозмутимый, с маловыразительным лицом, однако он все же волновался. — Вы, наверное, уже знаете, товарищ майор... Романовский, а ты здесь откуда? — Грамарь недоуменно заморгал. — Тебя с парашютом, что ли, сбросили? Ты же в квартире...

— Короче, лейтенант, — перебил его Градов. — Есть что сказать?

— Есть, товарищ майор, — заявил оперативник. — Я на той стороне находился, в кустах. Да вы знаете. На крыльце курил, дверь была открыта. Слышу, кто-то вошел с вашей стороны. Вроде двое. Мало ли кто, здесь люди живут. Но один из них сразу черный ход проверил, дверь под лестницей, не такая уж верста. Я спрятаться успел, а он из проема высунулся. Рожа уж больно напряженная, глаза бегают. Помаячил и ушел. Я за ним, к стене прижался. Слышу, двое поднимаются. Я тоже пролет перебежал, в нише захоронился. Они на третий этаж поднялись, в двад-

цать четвертую квартиру вошли, в ту самую, которую мы пасем.

— Думаешь, что-то новое сказал? — осведомился Влад.

— Сейчас скажу, — не смутился Грамарь. — Они по-русски говорили, товарищ майор. Очень тихо. Один ворчал. Мол, что-то мне тут не нравится, кошки скребут на душе, чую каверзу. Стоит ли вообще туда идти? Другой предложил напарнику заткнуться. Дескать, и без тебя тошно, дело надо делать, а не трястись из-за своей чуйки.

Влад задумался. Русские пришли на встречу с русским? Чудные дела. Все запуталось в послевоенном Берлине. Отгремели орудия, и начались шпионские страсти.

Кто такие? Власовцы, перебежавшие к союзникам? Те подучили их, мотивировали и отправили обратно? Чего не сделаешь ради сытой жизни где-нибудь в предместье Лондона или Нью-Йорка.

Генерал Власов Андрей Андреевич попался двенадцатого мая, не успев добраться до чешской Пльзени. Там была американская зона, но бойцы из Двадцать пятого танкового корпуса решили рискнуть. Сведения о движении колонны сообщил беглый офицер РОА. Предателя взяли вместе с остатками его штаба, доставили в штаб Третьего Украинского фронта, далее — в Москву. Заслуженную кару долго ждать не придется. Но сколько предателей ушло — тысячи, де-

сятки тысяч. И кого там только не было, включая опытных разведчиков.

В общем-то это логично. Надо отправлять в советскую зону именно русских, хорошо ориентирующихся в привычной среде.

— Значит, так, Грамарь, — принял решение Влад. — Дуй к лейтенанту Балабанову, пусть выводит из тени своих бойцов. Да не светись перед домом, по стеночке, Егорка. И бойцам скажи, чтобы не мерцали во весь формат. Здание окружить, всех подозрительных задерживать. Людей в советской форме — в первую очередь. Мне плевать, какие у них звания и должности. Работает Смерш.

Грамарь козырнул и припустил вдоль дома.

Показалась пожилая прихрамывающая женщина в клетчатом пальто. Она несла сетку с продуктами, застыла, охваченная страхом, когда мимо пролетел Грамарь, прижала руку к сердцу.

Явно не то. Имитировать такой испуг невозможно.

Женщина подобрала упавшую сетку, сменила направление.

Градов и Романовский вошли в подъезд, преодолели сумрачную зону, стали подниматься. Просторное парадное вздымалось ввысь, изгибались затейливые перила. Окно между этажами было разбито, на каменном полу валялись осколки. Шли на цыпочках, стараясь не наступить на битое стекло. Романовский от усердия

закусил губу, обогнал майора, присел на корточ-ки перед последним пролетом.

Дверь, нужная им, находилась справа, с виду внушительная, обитая декоративными планка-ми. По центру располагалась двадцать третья квартира, слева — двадцать вторая. Район на-ходился в историческом центре, здесь жили не последние люди рейха. Подъезд выглядел пом-пезно, не хватало лишь нацистской атрибутики.

Градов оттеснил плечом подчиненного, под-нялся на площадку, приложил ухо к двери. В квартире глухо говорили люди. Панические нотки в голосах пока не звучали.

Петли были предусмотрительно смазаны. По-этому дверь двадцать второй квартиры откры-лась без шума.

Из-за нее выбрался капитан Нагорный, во-просительно уставился на командира. Офи-цер был серьезный, не болтун, слов на ветер не бросал, имел спортивное сложение, вьющиеся светлые волосы. Он выразительно показал на дверь — дескать, уже в курсе. Влад кивнул. Рома-новский поднялся на несколько ступеней и пре-вратился в статую.

— Прилетели птички, командир? — прошеп-тал Нагорный. — Это именно те, кого мы ждем? Будем брать или потерпим еще?

— Потерпим, — шепотом отозвался Гра-дов. — Они пришли не просто так, а на встре-чу. Мы подождем вместе с ними. Брать будем, когда вся компания соберется. Романовский,

давай наверх. Жильцы не появятся, там только один старец. А мы с Нагорным в квартире подождем... — Он не успел закончить.

В квартире под номером двадцать четыре что-то упало и покатилося. Раздались встревоженные возгласы. Кто-то пробежал, со скрежетом распахнулась оконная рама.

Офицеры недоуменно переглянулись. Градов сообразил, схватился за голову. К черту Балабанова и таких помощников! Лучше сидели бы в своем саду и не высовывались! Очевидно, бойцы бежали, не таясь, окружали здание. Агенты заметили их в окно, сделали правильные выводы. Загремели пистолетные выстрелы! Глухо рокотали в ответ «ППШ». Бились стекла в оконных рамах, матерились лазутчики, загнанные в ловушку.

— Вот кретины! — в сердцах пробормотал Нагорный. — Заставь же дураков богу молиться... Не переживай, командир, мы их все равно возьмем.

Эти люди были совершенно бесполезны даже в живом виде! Сто процентов, что они не знали личности «крота», а реагировали на пароль. При таких обстоятельствах ни один умный человек здесь не появится.

— Прекратить сопротивление! — проорал Градов в закрытую дверь. — Это Смерш! Вы окружены и, если не бросите оружие, будете уничтожены!

В квартире продолжали стрелять. Крик в подъезде они не могли не слышать. Красноар-

мейцы ответили на огонь, и что-то подсказывало Градову, что палили они не в воздух. Майор с досады скрипел зубами. Все насмарку из-за какого-то безголового идиота!

Но он сам отдал приказ, чтобы бойцы подтянулись. Можно подумать, не знал, что там народ простоватый, тонкостям слежки и оперативной работы не обученный! Расслабились люди после войны, в том числе и командир, который стал упускать важные моменты.

К двери злоумышленники не подходили, ругались в глубине жилого помещения. Путей отхода у них не было, люди Балабанова контролировали окна. Запасной выход из квартиры отсутствовал.

Но какой-то фантазией эти люди обладали. В квартире прогремел оглушительный взрыв. Градов не сразу сообразил. Они подорвали стену, смежную с соседской квартирой. Значит, плохо ориентируются. Зачем лезть в квартиру, дверь которой выходит на ту же площадку?

От взрыва мощной гранаты рухнула часть стены, посыпались кирпичи. Оперативники схлынули с площадки. Романовский припустил наверх, остальные скатились ниже и присели за перилами. В квартире кашляли и ругались незадачливые лазутчики.

Распахнулась дверь. За порог вылетела вскоченная, дико орущая соседка под шубой, одинокая дама средних лет, сегодня без горностаев, побежала в тапочках по лестнице, едва не сби-

ла зазевавшегося Нагорного. Вслед за дамой из квартиры вынесся столб гари и пыли.

Романовский скатился обратно, прижался к косяку, вопросительно уставился на командира и выразительно похлопал по карману.

— Давай уж, доставай из широких штанин, — разрешил Градов. — В самом деле, хуже уже не будет.

Олежка вырвал чеку из «РГД», закатил гранату в квартиру. Взрывом что-то повалило, лопнуло стекло в межкомнатной перегородке. Снова вырвалось облако порохового дыма. За спиной командира кто-то топал, тяжело дышал. Это вернулся лейтенант Грамарь, прижался к стене.

— Товарищ майор, вы чего это тут затеяли? — Он закашлялся, глотнув прогорклого дыма.

Огонь они открыли дружно, били в проем из «ТТ». Нагорный бросился на штурм, перескочил порожек, умчался в дым. За ним летели все остальные в порядке живой очереди.

Злость кружила голову майора. Всего этого могло не быть! Второй гранаты у противника не было, имелись лишь пистолеты с ограниченным запасом патронов.

— Сдавайтесь! — прохрипел Градов, перебегая за внушительный шкаф. — Поубиваем же к чертовой матери!

У чужаков имелись причины не сдаваться, им проще было погибнуть. Из проема высунулась фигура, чтобы открыть огонь. Нагорный сработал с упреждением, прогремел выстрел, мужчи-

ну отбросило к косяку, хрустнул затылок, протаранивший деревянную конструкцию. Грамарь отпихнул ногой туловище, перекрывшее проход, влетел в большую комнату.

— Не стреляйте, я сдаюсь! — жалобно выкрикнул уцелевший злоумышленник.

Подобное решение можно было только приветствовать. В комнате валялись обломки кирпичей. Бранился Грамарь, поранивший ногу об острый огрызок. Плавали клубы дыма. Оперативники проникли внутрь и рассредоточились.

В дыму проявился мужчина с искаженным лицом. Он сидел, привалившись к стене, раздвинул ноги. Левая голень была сломана, причем крайне неудачно. Обломок кости вылез наружу, кровь хлестала на пол.

— Сдаюсь, берите меня, — пробормотал он и попытался поднять ослабевшие руки.

В правой руке клиент держал пистолет. Конечность тряслась, палец срывался со спускового крючка.

— Выбрось, сука, пистолет! — истошно выкрикнул Нагорный.

Тот словно не понимал, что от него требуют. Человек помирал от боли, глаза его помутнели. На губах внезапно зацвела страшноватая улыбка. Он словно очнулся, ожили мышцы лица. Оно перекосилось теперь уже на другую сторону.

Оперативники подходили, держа его на мушке. Любое неверное движение, и...

Мужчина быстро сунул ствол себе в рот, пропихнул аж до гланд, видимо, для надежности, и надавил на спуск. Он повалился, забрызгал стену своими выделениями, однако на губах его продолжала цвести страшноватая улыбка.

— Се ля ви, как говорят французы, — сказал Нагорный и сокрушенно вздохнул, пряча пистолет в кобуру. — Здесь мы бессильны. Как-то не подумали, товарищ майор. Нужно было руку ему прострелить.

— Мы о многом сегодня не подумали, — проворчал Влад, присаживаясь на корточки.

Его утешало лишь одно обстоятельство. Столько шума и без потерь. Убедая себя в том, что ничего ужасного не произошло, он обшарил внутренние карманы трупa, извлек офицерскую книжку на имя Родиона Михайловича Пузырева, заместителя начальника инженерного отдела Семьдесят первого стрелкового корпуса. Документы были явно липовые. Майор подошел к окну, внимательно рассмотрел их. Подобные подделки раньше в абвере штамповали тысячами. Данный продукт был из той же области. Не пропадать же добру. Немцы исправили лишь номер части, причем весьма старательно. Но специалисты нашли бы шероховатости даже невооруженным глазом.

— Романчук Денис Валерьевич, — сказал из проема Романовский, осматривавший первый труп. — Целый майор. Топографический отдел. Непонятно, почему в штатском пришли.

— Чтобы глаза не мозолить, — заявил Влад. — Народ сейчас тысячами из зоны в зону кочует, порядка нет. Англичане даже документы проверять не будут, наши тоже через одного осматривают. Пробрался переулками да руинами. За всеми не уследишь. При нужде они могли переодеться, думаю, знали, где найти обмундирование.

— Это так, бардак, — вздохнул Нагорный. — Пора пресекать подобные безобразия. Мы даже не знаем, что происходит в других зонах. Обидно, командир. Почему так вышло? Берлин брала Красная армия, другие дальше Эльбы нос не совали. Тьму народа положили. С какого перепуга мы им должны полгорода на блюдечке выложить? А они теперь там свои порядки наводят.

— Так было договорено в феврале на Ялтинской конференции. Не нам обсуждать решения высшего руководства, Юрий Иванович. Но досадно, ты прав. Это еще ладно, скоро они всю победу себе припишут. Прошли от Нормандии триста верст с горем пополам, бил их вермахт за милую душу, а потом мы узнаем, что это именно они сломали хребет фашизму.

В квартиру влетел ошарашенный лейтенант Балабанов, запнулся о мертвеца, разлегшегося на пороге, резко затормозил перед вторым, заморгал.

— Товарищ майор, это что же такое?

— А это своим тетерям спасибо скажи, — процедил сквозь зубы Градов. — Ты где таких

кретинов добыл, Балабанов? Бегут, как в атаку на пулеметы! Ты готов под трибунал идти за действия своих подчиненных?

— Никак нет, товарищ майор. — Лейтенант вытянулся по швам, побледнел, в глазах у него зажегся тоскливый огонек. — Мы же не знали, не думали, поздно сообразили.

— Сгинь, чтобы духа твоего тут не осталось! — взревел майор.

Лейтенант дернулся, запнулся о перевернутый стул.

— Стоять, Балабанов! Отвечать за халатность будешь по полной строгости, если я не передумаю. Оцепление оставить, проверять всех, кто сюда приходит. Если местные, пусть идут домой. Остальных в комендатуру, потом доложишь. Посторонних на место происшествия не пускать, патрули разворачивать. Выполнять, Балабанов, и чтобы глаза мои тебя больше не видели!

— Слушаюсь, товарищ майор! — Перепуганный лейтенант вытянулся по швам и умчался из комнаты.

— А вы чего уставились? — Майор исподлобья обозрел оробевших оперативников. — Сами не лучше. Да и я вместе с вами. И что прикажете делать? «Крот» сюда не придет, если он не больной на голову. Поздравляю, товарищи офицеры, начинаем все заново. Представляю, как обрадуется полковник Троицкий.

Ужасающая груда мусора, которую представлял собой послевоенный Берлин, простиралась на многие версты. Гарь и сладкая вонь впитались в воздух, истребить их не могли ни время, ни ветер.

За «газиком», все это время отдохавшим на углу Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден, присмотрели бойцы патруля. Оперативники возвращались на базу злые, раздраженные. За спиной остались Бранденбургские ворота, за ними здание МВД, рейхстаг, Шпрее. Бульвар Унтер-ден-Линден тянулся с запада на восток через добрую половину города, пересекал несколько округов. Штаб стрелкового корпуса размещался в районе Кенигштадт у Александерплац, в двух километрах к востоку от Бранденбургских ворот.

Когда-то на бульваре высаживали липы. За этим еще в восемнадцатом веке следил Фридрих Вильгельм Первый. В тридцать третьем году фюрер приказал срубить все посадки. Ему требовался простор для проведения многолюдных маршей, поэтому растительности на бульваре почти не осталось.

Грамарь вертел баранку, объезжал груды мусора. Уцелевших зданий практически не было, высились лишь остовы строений, когда-то помпезных. На углу бульвара и Фридрихштрассе стояла стена, униженная балконами и украшенная лепниной. За ней громоздилась гора мусора. Стена смотрелась абсурдно и по какой-то причине не падала. Люди обходили ее стороной.